

- ³⁰ Там же. С. 576, 605, 606, 613.
- ³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 357.
- ³² Там же.
- ³³ XII съезд РКП(б). С. 483.
- ³⁴ Пайтс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 183.
- ³⁵ Карр Э. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 305–308.
- ³⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 354.
- ³⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193, 198–200, 205–209; Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 211–213, 556–560.
- ³⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 158.
- ³⁹ Подробнее о процессе подготовки первой Конституции СССР см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 511–522.
- ⁴⁰ XII съезд РКП(б). С. 696.
- ⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 361–362.
- ⁴² Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Разделы первый и второй. Приложения.
- ⁴³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена XII Всероссийским Съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 11 мая 1925 г.
- ⁴⁴ XII съезд РКП(б). С. 582.
- ⁴⁵ Там же. С. 516.
- ⁴⁶ См.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909; Меньшиков Л.П. Охрана и революция. Ч. I, II, III. М., 1925–1932; Роуд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.
- ⁴⁷ Долуцкий И.И., Ворожейкина Т.Е. Политические системы в России и СССР в XX веке. Т. 2. М., 2008. С. 42.
- ⁴⁸ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 522.
- ⁴⁹ Там же. С. 524, 525.

© 2010 г. Ф.Л. СИНИЦЫН*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.)

Как известно, советское правительство провозгласило введение института свободы совести¹ в качестве одного из своих приоритетов². Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля 1918 г. гласил: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются»³. Норма о свободе совести была представлена в ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г., ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. и ст. 124 Конституции СССР 1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами»⁴. Однако свобода совести в советском государстве трактовалась, в целом, однобоко и некорректно – только как свобода *не верить* в Бога, свобода вести антирелигиозную пропаганду. Утверждалось, что «в Советской стране исповедовать любую религию – это дело совести каж-

* Синицын Федор Леонидович, кандидат исторических наук.

дого, и вести антирелигиозную пропаганду – это *долг* (курсив мой. – Ф.С.) каждого сознательного гражданина»⁵. Советская пропаганда обличала «панскую Польшу», где «подавлялась свобода совести» путем введения уголовного наказания за атеизм⁶, но умалчивала о преследовании Православной церкви в этой стране. На практике, свобода совести не только не гарантировалась советским государством, но открыто им нарушалась. Одним из основных нарушений было поражение духовенства в гражданских правах. Ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. гласила, что «не избирают и не могут быть избранными: ... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». В ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. это положение было дано с уточнением – «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией»⁷. Однако такое уточнение большой роли не играло.

Религиозное обучение детей и миссионерская деятельность в СССР были запрещены. Хотя положения ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. в первоначальном варианте обеспечивали возможность ведения как антирелигиозной, так и религиозной агитации, в 1929 г. в Конституцию была внесена поправка, отменившая свободу религиозной агитации⁸. Пропаганда давала такому положению вещей лицемерное объяснение: якобы «религиозная агитация... глубоко враждебна нашему народу, нашему государству, науке, всей нашей культуре»⁹. В то же время, государство открыто поддерживало и финансировало антирелигиозную пропаганду. Массовым тиражом выпускалась антирелигиозная литература и периодическая печать, работали 47 антирелигиозных музеев¹⁰. 13 октября 1922 г. при ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по антирелигиозной пропаганде («Антирелигиозная комиссия»), руководителем которой стал видный партийный и советский деятель Е.М. Ярославский. Решающую роль в развитии «безбожного движения» в стране сыграла издававшаяся с 1922 г. газета «Безбожник». Вокруг нее быстро сложилась сеть корреспондентов и читателей. В августе 1924 г. в Москве было образовано «Общество друзей газеты “Безбожник”» (ОДГБ). В апреле 1925 г. I съезд ОДГБ постановил создать единое всесоюзное антирелигиозное общество, с июня 1925 г. получившее название «Союз безбожников» (СБ). В июне 1929 г. в Москве на II съезде СБ было принято решение о переименовании организации в «Союз воинствующих безбожников» (СВБ)¹¹. СВБ вел агрессивную антирелигиозную пропаганду, в том числе, при помощи издававшихся массовым тиражом газеты и журнала «Безбожник», журнала «Антирелигиозник», ряда местных антирелигиозных газет и журналов.

Однако в 1936 г. в ряде аспектов государственной политики по отношению к религии произошли определенные изменения. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 г. Крещение Руси было признано «положительным этапом в истории русского народа»¹². Христианство, в целом, стало рассматриваться как «прогрессивное явление» в истории Киевской Руси¹³. Даже антирелигиозная печать утверждала, что Крещение Руси было «крупнейшим историческим событием», имевшим «большое значение»¹⁴. В принятой 5 декабря 1936 г. Конституции СССР была отменена норма о дискриминации духовенства в отношении избирательных прав. Ст. 135 Конституции гласила, что «все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от... вероисповедания, социального происхождения... и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран каждый гражданин СССР, достигший 23 лет, независимо от... вероисповедания... социального происхождения... и прошлой деятельности»¹⁵. Пропаганда тиражировала этот факт, утверждая, что «в СССР безбожники и верующие пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности»¹⁶. После того, как 1 февраля 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о демократизации избирательного механизма в стране¹⁷, обсуждение вопроса о наделении «лишенцев», в том числе священнослужителей, избирательными правами, проходило в условиях, когда действительно допускались разные точки зрения. Сталин изначально был против сохранения института «лишенцев»¹⁸. Ярославский поддерживал его, утверждая, что «было бы неправильно судом лишать всех священнослужителей избирательных прав, т.е. ставить... в положение преступника», так как

«не только в нашей стране верующие истолковали бы это как стеснение, ограничение свободы вероисповедания, но и во всем мире враги наши использовали бы этот факт против нас»¹⁹. Наконец, в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов Сталин окончательно высказался против выдвинутых поправок о запрещении отправления религиозных обрядов и лишении избирательных прав служителей культа и других «элементов»²⁰. Были также отвергнуты поправки о введении уголовной ответственности «классово-враждебных элементов» за «нелегальные собрания» и «подстрекательство к проведению своих кандидатур на выборах»²¹.

Сразу после опубликования проекта новой Конституции СССР 12 июня 1936 г., заложенные в ней изменения были с надеждой встречены в среде священнослужителей. Некоторые из них считали, что в проекте Конституции много библейского», а ст. 124 Конституции «свидетельствует о примирении советских граждан с Богом»²². В с. Котельники Московской обл. священник и церковный староста разясняли верующим, что «Бог вразумил большевиков»²³. В августе 1936 г. в Звенигороде священник высказался, что «вера будет крепчать», так как раньше народ «боялся ходить в церковь, а теперь – свобода совести»²⁴. В Лужайском сельсовете Шахунского района Горьковской обл. священник «устроил молебен и приветствовал Конституцию»²⁵. Курский архиепископ Артемон и Дмитриевский епископ Иоасаф полагали, что с принятием Конституции будет отменена регистрация духовенства в советских административных органах, будут открыты свечные заводы, разрешены колокольные звоны²⁶. Среди духовенства Грузии повсеместно распространилась уверенность, что «скоро откроют все церкви». Аналогичные настроения в отношении открытия мечетей бытовали в Нахичеванской АССР²⁷. В Тамбовском районе Воронежской обл. священник говорил, что изменение Конституции «произошло в результате того, что на Советский Союз воздействовали иностранные государства», и что «скоро вообще власть переменится»²⁸.

Священнослужители полагали, что теперь они «считаются трудящимися», поэтому они «будут впредь исполнять свои религиозные обязанности и одновременно служить в советских учреждениях», в результате чего их положение укрепитя. Они надеялись, что ст. 124 Конституции «означает поворот партии и советской власти в сторону признания за религией и религиозными организациями... положительной роли». Священник одного из сел Ковернинского района Горьковского края сказал: «Братья! Наступили счастливые для всего мира дни. Кем я был раньше? Лишенцем. А теперь и мне дали свободу и меня зовут в Совет». Священнослужители рассчитывали, что будет разрешена религиозная пропаганда вне храмов, восстановлен Закон Божий в школах²⁹. Некоторые священнослужители открыто приветствовали нововведения, представленные в Конституции. Священник одного из сел Дедовичского района Ленинградской обл. прислал в сельсовет письмо, в котором благодарил советскую власть за предоставление ему голоса и предлагал свою помощь в разъяснении избирательного закона среди мирян³⁰. В Чернском районе Московской обл. священник на отчетном собрании «благодарил трудящихся и советскую власть за предоставленное ему право участия в общественной жизни». Священник Пospelов прислал в газету «Тамбовская правда» свои тезисы, в которых назвал советскую власть «богоданной и богоустановленной»³¹. Обновленческое духовенство Вяземской епархии в феврале 1937 г. направило письмо И.В. Сталину, в котором выражало «глубочайшую благодарность за дарованные... права»³². Однако наиболее реалистично настроенные священнослужители выражали недоверие к нововведениям. Бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря П. Иванов говорил: «Эти права принадлежали гражданам СССР и по прежней Конституции..., а на деле было... открытое издевательство, глумление и преследование... Вот почему никто из верующих... абсолютно не доверяет не только 124-й [статье], но и всей в целом Конституции»³³.

После опубликования проекта Конституции священнослужители начали предпринимать конкретные шаги по реализации вновь предоставленных им прав. В частности, они выдвигали предложения к проекту Конституции, в том числе, об уменьшении налогов на духовенство и храмы, запрещении «издевательств над церковью,

духовенством и верующими», разрешении «праздновать Воскресенье», недопущении «давления за религиозные убеждения» и закрытия храмов без согласия религиозной общины³⁴ и даже о запрещении проведения собраний в колхозах и совхозах во время богослужений³⁵. Священнослужители выступали перед мирянами с разъяснениями Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (приняты 9 июля 1937 г.). Созданные священниками группы по «проработке» Конституции действовали в Карельской, Татарской АССР, Ленинградской и Омской обл. В Белоруссии церковная власть командировала в ряд районов республики до 40 священников с целью «разъяснения» Конституции³⁶. В Тулуйском сельсовете Каясулинского района Дагестанской АССР мулла А. Салахов по поручению председателя сельсовета провел ряд бесед по разъяснению «Положения о выборах» населению. В Баку мусульманское духовенство само принимало участие в организованных лидерами мусульманской общины курсах по изучению Конституции³⁷.

Священнослужители предпринимали попытки участия в советских мероприятиях, что иногда встречало понимание со стороны местных властей. В Дальнеконстантиновском районе Горьковской обл. сельсовет поручил священнику произвести подписку на заем обороны. В Минеральных Водах председатель избирательной комиссии назначил псаломщика Федоркина организатором предвыборного совещания, поручил ему оповещение граждан. В ряде районов священники по собственной инициативе производили подписку на сбор средств в пользу испанских детей. В Домошском сельсовете Чебсарского района Вологодской обл. священник принял участие в двух отчетных собраниях сельсовета. В Ленинградской обл. (Старая Русса, Порховский и Новгородский районы) священнослужители пытались принять участие в организованных местными властями кружках по изучению «Положения о выборах». В с. Гуньковское Московской обл. в президиум собрания сельского актива была выдвинута кандидатура местного священника (не прошла). В Орловском сельсовете Городищенского района Сталинградской обл. священнослужители, по некоторым сведениям, чуть ли не объявили церковь «государственным учреждением», на основании чего требовали «помощи от сельсоветов, отпуска и доставки лесоматериалов для ремонта церкви»³⁸.

Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР сообщала, что после опубликования проекта Конституции «увеличилось количество жалоб и изменился их характер». Почти в каждой жалобе имелись ссылки на ст. 124 и 125 Конституции. Тон заявлений стал «требовательнее, настойчивее». Повседневными стали ходатайства, на основании ст. 135 Конституции, об открытии церквей, разрешении проводить религиозные шествия, церемонии под открытым небом и молебны по домам³⁹. Если в 1935 г. Комиссия по вопросам культов получила 9 221 жалобу и приняла 2 090 ходочков⁴⁰, то в 1936 г. было уже 9 646 жалоб и 2 945 ходочков⁴¹.

Случались попытки самовольного открытия ранее закрытых церквей и молитвенных домов, за что, например, священник с. Хуторово Воронежской обл. был привлечен к ответственности. Молоканская община г. Рассказово вела сбор подписей в пользу открытия молитвенных домов, так как «по новой Конституции все церкви и молитвенные дома должны быть открыты». Члены одного из церковных советов в Россошанском районе Воронежской обл., ссылаясь на Конституцию, вели среди населения агитацию: «Церковь от государства отделена, поэтому нужно требовать от сельсовета немедленного освобождения нашей церкви от находящегося в ней хлеба». За такие высказывания они были арестованы⁴². В Белгороде прошло совещание с участием более 50 священнослужителей. После совещания, «по-своему истолковав ст. 124, 135 и 136 проекта Конституции», они начали вести сбор подписей за открытие церквей⁴³. В июне 1936 г. ламы Баргузинского дацана (Бурятия) жаловались в Комиссию по вопросам культов на «незаконные притеснения», в том числе, изъятие имущества, аресты, высылку⁴⁴. В Орехово-Зуево возвратились 5 священников, которые «ставили вопрос» об открытии церкви⁴⁵. В мае 1937 г. церковные активисты Сталинградской обл. требовали открытия храмов⁴⁶. Священнослужители пытались усилить религиозную агитацию, расширить церковный актив. В д. Лисьи Ямы Ленинградской обл. прошло двухдневное совещание

13 священников и 40 активистов, которые обсуждали «вопрос о новых методах влияния на колхозников»⁴⁷. В Алексеевском сельсовете Кингисеппского района Ленинградской обл. священник призывал мирян выбирать в церковную двадчатку «стахановцев, людей помоложе и поэнергичнее». В Бубаринском сельсовете Боровичского района Ленинградской обл. шла агитация в пользу увеличения количества членов двадчатки и более частого посещения церковных служб. В Луге двадчатка была расширена до 48 человек⁴⁸. В ряде мест священнослужители требовали прекратить антирелигиозную пропаганду в школах⁴⁹. В дополнение к требованиям разрешить крестные ходы, духовенство решалось их совершать без санкции государственных органов, обосновывая это тем, что «Конституция говорит о свободе уличных шествий»⁵⁰. В мае 1937 г. открытые выступления религиозных активистов, в том числе, крестные ходы, имели место в Сталинградской обл.⁵¹ На Украине, в Азово-Черноморском крае, Воронежской, Саратовской обл. и ряде других регионов священнослужители пытались организовать демонстрации в пользу открытия церквей и отправку церковных делегаций в Москву и Киев. При этом руководители религиозных организаций указывали, что «свобода уличных демонстраций обеспечивается Конституцией»⁵². В ряде мест священнослужители изъявляли желание войти в состав сельсоветов, вступить в колхоз, добивались активного участия в рабочих и колхозных собраниях, требовали работы по совместительству в государственных и хозяйственных учреждениях. В Зилаирском районе Башкирской АССР священник Высоцкий открыто заявил местным сельсоветчикам: «Придет время выборов – сядем на ваше место»⁵³.

После принятия новой Конституции были назначены выборы в Верховный Совет СССР (на 12 декабря 1937 г.), Верховные Советы республик (на июнь 1938 г.), местные советы (на декабрь 1939 г.). В связи с тем, что избирательные права были предоставлены, в том числе, «классово-чуждым» элементам, эти выборы следует рассматривать как «испытание на прочность» для советского режима⁵⁴. Сначала власть не опасалась того, что выборы могут перерасти в нечто неуправляемое. Сталин возражал тем, кто говорил, что «это опасно, так как могут проникнуть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т.д.». Он считал так: «Чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить»⁵⁵. Ярославский вторил вождю: «Какая опасность от того, что служители культов всех вероисповеданий, а их наберется в СССР всего около сотни тысяч (с небольшим), – будут голосовать? Трудно представить себе, чтобы нашелся такой священник в Советском Союзе, за которого массы голосовали бы и выбрали бы его в Совет... Никакой опасности от предоставления им избирательных прав и права быть избираемыми нет»⁵⁶. «Благодушным» настроениям советского руководства в отношении наделения избирательными правами священнослужителей способствовало убеждение, что религия в СССР якобы пришла к окончательному упадку. Антирелигиозная пропаганда распространяла сведения, что в стране «религия не играет никакой роли», «многие молятся Богу лишь ради страховки, на всякий случай»⁵⁷, «социально-экономические корни религии... уничтожены»⁵⁸. Среди советского и партийного актива бытовало мнение, что с «религией уже все покончено», за нее «держатся только старики и старухи»⁵⁹. В феврале 1936 г. Ярославский на юбилейном вечере по случаю десятилетия СВБ доложил, что безбожники к тому времени составляли, как минимум, половину населения СССР. При этом он считал, «что мы уже переваливаем за вторую половину»⁶⁰. В августе 1937 г. Ярославский уверял, что безбожие «распространяется гигантскими шагами, верующих и священников «становится все меньше и меньше»⁶¹. Из некоторых его высказываний, сделанных в 1937 г., можно сделать вывод, что, по его мнению, максимальное число верующих в СССР не должно было превышать $\frac{1}{3}$ населения⁶². Антирелигиозная пропаганда уверяла, что после опубликования Конституции священники будут массово слагать сан⁶³ и даже что «часть служителей культа уже сейчас просит дать какую-нибудь работу, лишь бы уйти из церкви»⁶⁴. В подтверждение приводились отдельные факты сложения сана. В журнале «Безбожник» было опубликовано письмо бывшего архиепископа из Калуги А.В. Рябцовского о том, что он принял решение покинуть

Церковь после того как «был обнародован документ беспримерной исторической важности – проект Сталинской Конституции», который, по мнению Рябцовского, являл собой «все, что нужно для благоустройства человеческого общества»⁶⁵. Очевидно, по причине уверенности в том, что религия больше не представляет опасности, Сталин ратовал за менее воинственное ведение антирелигиозной пропаганды. Когда в апреле 1936 г. в программу X съезда ВЛКСМ хотели включить пункт «Комсомол решительно и беспощадно борется с религиозными предрассудками», он сказал: «Зачем писать “решительно” и “беспощадно”? Терпеливо надо разъяснять молодежи вред религиозных предрассудков»⁶⁶.

Проведенная в январе 1937 г. Всесоюзная перепись населения была призвана оправдать ожидания советского правительства по поводу «изживания» религии. Прогнозировалось широкое распространение атеизма, а процент верующих предполагался небольшой⁶⁷. Однако результаты переписи стали неприятной неожиданностью для советского руководства: доля верующих среди советских граждан оставалась высокой – 57% взрослого населения (в сельской местности – примерно $\frac{2}{3}$ всего населения, в городах – не менее $\frac{1}{3}$)⁶⁸. Не позднее 14 марта 1937 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Краваль писал И.В. Сталину и В.М. Молотову, что «число верующих оказалось больше, ...чем ожидали», а также указывал на то, что «день переписи был установлен неудачно: ...выходной день, да еще и рождественские праздники»⁶⁹, что говорило о сохранявшейся социальной значимости праздника Рождества. Сначала результаты переписи, свидетельствовавшие о высокой религиозности населения, фактически отрицались – пропаганда утверждала, что «одним из замечательных результатов [переписи]... являются показатели роста безбожия среди народов СССР»⁷⁰. Затем этот вопрос пытались обойти: «Как велико число безбожников в нашей стране, мы сказать не можем. Это покажет перепись». «Верующих людей у нас еще много миллионов»⁷¹. Впоследствии, неохотно признали, что «во многих районах нашей страны число верующих достигает внушительной цифры; иногда эта цифра превышает число неверующих»; «религиозные обычаи очень часто еще выполняются немалой частью населения»⁷². В декабре 1937 г. Ярославский отметил, что безбожникам «на ближайшее десятилетие хватит работы»⁷³. Результаты переписи в отношении религиозности населения, как минимум, до июня 1937 г. скрывались даже от Комиссии по вопросам культов. 1 июня 1937 г. председатель Комиссии П.А. Красиков писал и.о. председателя ЦУНХУ И.Д. Верменичеву: «Прошу Вас сообщить мне хотя бы строго секретно те разработки и данные, которыми Вы уже располагаете»⁷⁴.

В дополнение к результатам переписи, которые разрушили ложное представление об искоренении религии в СССР, не оправдались надежды на массовое сложение сана священнослужителями. Комиссия по вопросам культов отмечала, что в их среде преобладали противоположные настроения: «Признавая духовенство, советская власть подтверждает, что не может обойтись без него», «религиозность населения, ранее искусственно подавленная, возрастет», «авторитет служ[ителей] культа среди населения поднимется»⁷⁵. Действительно, к середине 1930-х гг., в целом, произошло изменение отношения простых людей к духовенству. Лишенное государственного покровительства и преследуемое властями духовенство вызывало все большее сочувствие в низах общества. По мнению М.Ю. Крапивина, священник 1930-х годов был уже не старорежимный «жирный поп», а свой брат-труженик, советчик и утешитель⁷⁶.

Таким образом, в начале 1937 г. ситуация в религиозном вопросе кардинальным образом изменилась. Власть осознала, что ошибалась, представляя проблему религиозности населения решенной. Эта ошибка могла стоить дорого, принимая во внимание приближение выборов в Верховный Совет СССР. Можно согласиться с мнением, что в данном аспекте Конституция, «задуманная как особый пропагандистский трюк, как гениальный обман иностранного мира и своего народа, могла стать опасной для власти и для вождя»⁷⁷.

Проведение выборов по новым нормам законодательства, которое предоставило духовенству пассивное и активное избирательное право, всколыхнуло религиозные

круги. Священнослужители развили бурную деятельность по мобилизации религиозного актива, подбору и выдвижению своих кандидатов в депутаты – такая деятельность была отмечена в Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР, Горьковской, Западной, Куйбышевской, Ленинградской, Омской, Сталинградской, Ярославской областях РСФСР и Харьковской обл. УССР⁷⁸. В с. Николаевка Воронежской обл. группа во главе с местным священником призвала население «воспользоваться новой Конституцией, быть организованными, чтобы легче продвигать к руководству своих людей»⁷⁹. В с. Богородское Ивановской обл. начетчик Спирлов уверял верующих, что «Христос – коммунист, и все, кто соблюдает его учение, – настоящие коммунисты, а потому выбирать в советы надо только верующих»⁸⁰. В Сайрамском районе Южно-Казахстанской обл. при участии мусульманского духовенства был составлен список своих кандидатов в председатели райисполкома, сельсоветов и других государственных органов⁸¹. Священнослужители устраивали «пробные выборы», в частности, в Узбекской ССР, Карельской АССР, Калининской и Горьковской обл.⁸² В Щекинском сельсовете Северной обл. религиозные активисты убедили колхозников переизбрать председателя колхоза им. Литвинова и выбрать на его место местного псаломщика⁸³. Порой священнослужители совершали предвыборные поездки – в частности, по колхозам Харьковской обл.⁸⁴, а также вели агитацию с помощью «странствующих» религиозных активистов⁸⁵. Агитация велась не только в среде религиозной общины, но и в миру – например, в Ивановской обл. священник вел агитацию в промышленной артели за выдвижение его кандидатуры в Верховный Совет СССР⁸⁶. Священнослужители пытались реализовать свое право на участие в избирательных комиссиях, в частности, в Ленинградской обл. Антирелигиозная пропаганда с возмущением сообщала, что в Мирзояновском районе Южно-Казахстанской обл. из 125 человек, выдвинутых в участковые избирательные комиссии, 55 оказались «классово-чуждыми» – особенно были представлены «сектанты, муллы, попы»⁸⁷.

Разумеется, выдвигая своих кандидатов в депутаты, священнослужители не имели в виду «контрреволюционную» деятельность, которую им приписывала советская пропаганда, а в основном стремились упрочить положение религиозных институтов: например, в Малмыжском районе Кировского края собрание церковных активистов постановило: «Чтобы церковь хорошо работала, ...нужно выдвинуть в Верховный Совет кандидатуру протоиерея»⁸⁸. В то же время, советские органы выявили попытки ряда священнослужителей и религиозных активистов, тем или иным образом, противодействовать проведению выборов – они «призывали верующих проваливать кандидатуры коммунистов»⁸⁹, агитировали против «блока коммунистов и беспартийных»⁹⁰. В Мытищинском районе Московской обл. церковная группа «старалась дискредитировать кандидатуры, представляемые в Верховный Совет»⁹¹. В Карелии ко дню выборов религиозные активисты приурочивали ремонт молитвенных зданий, в Грузии – организовывали религиозные процессии и массовые богослужения на кладбищах. Распространялись «письма с неба», которые пророчили близкий конец света, а с ним – и конец безбожной власти⁹². Муллы и ишан Ашхабадского района Туркменской ССР «запугивали» женщин, отвлекали их от посещения кружков по изучению избирательного закона. В Уфе были распущены слухи, что «большевики к выборам не подготовились, и выборы не состоятся»⁹³.

Резкая активизация религиозного актива вызвала серьезную озабоченность у советских властей. На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) А.А. Жданов объявил, что Церковь – это единственная сила, «не подконтрольная правящей партии»⁹⁴. В марте 1937 г. Ярославский констатировал: «Поповщина переходит в наступление»⁹⁵. В ответ была развернута широкая программа противодействия под следующими лозунгами: «Дать отпор поповщине во время предстоящих выборов»; «Не место служителям культа в Советах депутатов трудящихся!»; «Не пропустим враждебных людей в органы советской власти! Разоблачим врагов под маской служителей культа»⁹⁶. Во-первых, пресекалась деятельность по выдвижению религиозными активистами кандидатов в депутаты. Государственные органы отслеживали, чтобы на предвыборных собраниях выдвигали только «нужных» кандидатов. Появление «незапланированных» кандидатов пресекалось⁹⁷. Пропаганда призвала «быть бдительными», чтобы не дать духовен-

ству «помешать успешному проведению избирательной кампании». Особенно это касалось выборов в местные советы, где, как ожидалось, «придется встретиться с более активной работой церковников», которые «питают надежды попасть в Советы... в селах (меньше... в городах)» и будут «действовать более тонкими, более замаскированными приемами»⁹⁸. Юридическим основанием для пресечения выдвижения кандидатов религиозными активистами служили дискриминационные положения ст. 141 Конституции: «Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами»⁹⁹. Этот перечень был исчерпывающим. Религиозные организации, на основании того, что они были «отделены от государства» и «лишены права вмешиваться в государственные дела», выставлять кандидатов в депутаты права не имели¹⁰⁰. Во-вторых, была развернута бурная пропагандистская кампания, направленная на убеждение населения, что все священнослужители – «враги народа», «шпионы», «агенты фашизма». Советская печать утверждала, что служители религии «зачастую являются прямыми агентами и участниками всякого рода контрреволюционных шаек, иностранных разведок, диверсантских бандитских организаций и т.п.»; что «шпионы и диверсанты бродят по нашим селам под видом попов, монахинь, святых и юродивых, собирают сведения шпионского характера, готовят диверсии и террористические акты». Утверждалось также, что «значительное количество попов разоблачено, как враги народа», и что «всякий, даже самый “советский” поп – мракобес, реакционер, враг социализма»¹⁰¹. Для иллюстрации крайней агрессивности этой кампании следует привести заголовки статей в центральной и региональной прессе: «Церковники и сектанты на службе фашизма», «Разоблачать фашистскую агентуру в рясах», «О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности духовенства», «С крестом и маузером», «Враги в рясах», «Попы-шпионы», «Шпионы и диверсанты в рясах», «Церковники и сектанты на службе фашистских разведок»¹⁰². Пропаганда не скупилась на самые отвратительные эпитеты в адрес священнослужителей (например, «шпионско-диверсантская церковно-сектантская мразь»)¹⁰³. В-третьих, с 1937 г. разворачиваются массовые репрессии в отношении священнослужителей. Аресту подверглась большая часть православного духовенства (включая обновленцев), а закрытие церквей приобрело обвалный характер – только в 1937 г. было закрыто 8 тыс. церквей¹⁰⁴. По данным А.Н. Яковлева, в 1937 г. по «церковным делам» было арестовано 136 900 человек, из них расстреляно – 85 300; в 1938 г. – соответственно: 28 300 и 21 500¹⁰⁵. В 1937 г. было арестовано 50 православных епископов (для сравнения – в 1935 г. – 14, в 1936 г. – 20 епископов)¹⁰⁶. В апреле 1938 г. была ликвидирована Комиссия по вопросам культов, которая, пусть предвзято, но все-таки занималась разбором жалоб верующих на незаконные притеснения, принимая в том числе, решения о пресечении незаконного закрытия церквей и мечетей¹⁰⁷. С апреля 1938 г. вопросами религии занимались только специальные структуры НКВД.

Накал репрессий снизился лишь в конце 1939 г., когда у советского руководства появилось намерение проводить более «осмотрительную» политику в отношении религиозных институтов, в том числе, с целью использования Московского Патриархата для подчинения православных приходов на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Государство создало видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. В июне 1940 г. была отменена «шестидневка», восстановлен традиционный для христианского календаря воскресный отдых. Однако уже в 1940 г. произошло новое ужесточение религиозной политики, в том числе, очередной подъем репрессий, прерванный только нападением Германии¹⁰⁸. Если в 1939 г. по «церковным делам» было арестовано 1 500 и расстреляно 900 человек (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.), то в 1940 г. – соответственно: 5 100 и 1 100; в 1941 г. – 4 тыс. и 1 900¹⁰⁹.

Репрессии, с особой силой развернутые в отношении священнослужителей и религиозных активистов в 1937–1938 гг., следовали в общем русле политики массового

террора, достигшего в те годы своей кульминации. При этом усугубляющим обстоятельством для духовенства и религиозного актива стало их ярко проявившееся в 1936–1937 гг. стремление реализовать свои конституционные права.

Итак, причина предоставления избирательных прав священнослужителям (что явилось формальным приведением института свободы совести в СССР в корректное состояние) заключалась в стремлении советского руководства представить Конституцию 1936 г. как самую прогрессивную и демократичную в мире¹¹⁰. Новая конституция, щедро «начиненная» всевозможными правами и демократическими принципами, произвела в тот момент сильное впечатление на советских граждан, многие из которых, поверив в действительность предоставленных им прав, почувствовали себя «гораздо свободнее, чем раньше»¹¹¹. Советское руководство уверенно пошло на отмену дискриминации в отношении священнослужителей, полагаясь на уверения «безбожников», что религия более не представляет опасности для режима. Советские вожди, хотя и предвидели определенное оживление религиозных кругов, не предполагали, что эти круги будут столь активны в стремлении реализовать новые конституционные нормы на практике. Однако духовенство с большой надеждой восприняло изменения в законодательстве, открыто приветствовало предоставление священнослужителям избирательных прав, активно пыталось реализовать эти права, а также ряд других прав, как ему казалось, вытекавших из норм новой Конституции (например, право на проведение религиозных шествий). В этом духовенству оказывали поддержку наиболее активные верующие-миряне.

Многие священнослужители и религиозные активисты восприняли введение всеобщего избирательного права как начало серьезного поворота в религиозной политике государства, направленного на облегчение положения конфессий и верующих. Таким ожиданиям могло способствовать признание советским руководством положительной исторической роли Крещения Руси и христианства в целом. Однако эти ожидания были ошибочными. Пересмотр роли Крещения Руси и христианства был продиктован не изменением политики государства по отношению к религии, а курсом советского руководства на возвращение к патриотическим и национальным ценностям, как оказалось, вполне совмещавшимся с политикой «построения социализма в одной стране». В рамках этого курса понятие «Родина» (с приставкой «советская») было вновь введено в государственный лексикон¹¹², в 1934 г. произошло восстановление отечественной истории как учебной и воспитательной дисциплины; в 1936 г. русскому народу было официально предписан статус «великой и передовой нации», а в 1938 г. присвоен своеобразный титул «старшего брата в семье советских народов»¹¹³. В 1936 г. был подвергнут критике поэт Демьян Бедный за очернение богатырей русского былинного эпоса в опере-фарсе «Богатыри». Отмечалось, что богатыри «являются в народном представлении носителями героических черт русского народа»¹¹⁴. И это несмотря на то, что Илья Муромец был монахом Феодосиева монастыря (ныне Киево-Печерская Лавра), канонизированным Русской Православной Церковью. Впоследствии, в пантеон чтимых советской властью героев был включен князь Александр Невский, также канонизированный РПЦ; в ноябре 1938 г. на экранах появился исторический художественный фильм «Александр Невский»¹¹⁵. Советская пропаганда не могла не отметить факт канонизации князя, однако пыталась преуменьшить значимость этого факта, утверждая, что «церковь долго спекулировала именем... героя в своих корыстных целях»¹¹⁶.

На наш взгляд, принимая во внимание высокую религиозность населения СССР, значительная часть духовенства имела высокие шансы быть избранной в депутаты советов разных уровней. Однако власть при помощи антидемократичной системы выдвижения кандидатов, агрессивной антирелигиозной пропаганды и прямых репрессий не позволила священнослужителям и религиозным активистам реализовать свои конституционные права. Советская пропаганда с удовлетворением сообщала, что на выборах в советы «церковники были биты», «все происки церковников и сектантских вожаков потерпели... полный крах»¹¹⁷. При этом, конечно, не уточнялось, какими средствами эта цель была достигнута.

Примечания

¹ Институт свободы совести включает «свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» (Всеобщая декларация прав человека. СПб, 2004. С. 9). См. также: ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.); Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (1981 г.).

² До Октябрьской революции была провозглашена «свобода веры», но введение этого правового института до конца доведено не было. См.: Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Манифест от 17 октября 1905 г. Ст. 39 «Основных Государственных Законов Российской Империи» (приняты 23 апреля 1906 г.) гласила: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободою определяются законом». Однако законопроект «О свободе совести», который рассматривался Государственной думой в 1906 г., принят так и не был. См.: *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 775–776.

³ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 373–374.

⁴ История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 145, 530, 744.

⁵ *Путинцев Ф.* О свободе совести. М., 1937. С. 6.

⁶ Как подавлялась свобода совести в панской Польше // *Безбожник*. 1939. № 9–10. С. 8.

⁷ История Советской Конституции... С. 155, 543–544.

⁸ *Курицын В.М.* История государства и права России. 1929–1940. М., 1998. С. 65.

⁹ Почему попам не предоставлена свобода агитировать за религию? // *Антирелигиозник*. 1939. № 1. С. 49.

¹⁰ *Ярославский Ем.* Задачи антирелигиозной пропаганды // *Антирелигиозник*. 1941. № 5. С. 7.

¹¹ *Покровская С.В.* Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность. 1925–1947. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 20, 21, 27, 32, 34, 39, 49.

¹² РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 982, л. 40.

¹³ *Бахрушин С.В.* К вопросу о Крещении Руси // *Историк-марксист*. 1937. № 2. С. 76.

¹⁴ *Керженцев П.* Фальсификация народного прошлого (о «Богатырях» Д. Бедного) // *Правда*. 1936. 15 ноября; *Никольский В.* Введение христианства на Руси // *Антирелигиозник*. 1939. № 1. С. 31.

¹⁵ История Советской Конституции... С. 745.

¹⁶ Сталинская Конституция и свобода совести // *Безбожник*. 1938. № 11. С. 2.

¹⁷ *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 142.

¹⁸ *Жуков Ю.Н.* Репрессии и Конституция СССР 1936 года // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 15.

¹⁹ *Ярославский Ем.* Новая Конституция и вопрос о религии // *Антирелигиозник*. 1936. № 4. С. 4, 6.

²⁰ Доклад И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР // *Правда*. 1936. 26 ноября.

²¹ *Дорожжикова Я.Б.* Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы в Западной Сибири: 1937–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. С. 93.

²² *Федосеев П.* Подготовка к выборам в Советы и антирелигиозная пропаганда // *Антирелигиозник*. 1937. № 8. С. 10.

²³ *Амосов Н.* Антирелигиозная пропаганда летом // *Безбожник*. 1937. № 6. С. 3.

²⁴ *Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и материалы.* М., 1996. С. 277.

²⁵ Предвыборные маневры церковников // *Безбожник*. 1938. № 6. С. 3–4.

²⁶ *Токарев С.В.* Повседневная жизнь провинции в период обсуждения, принятия и реализации Конституции СССР 1936 года. Курск, 2002. С. 19.

²⁷ *Олещук Ф.* За большевистский размах предвыборной агитации // *Антирелигиозник*. 1937. № 9. С. 3.

²⁸ *Токарев С.В.* Указ. соч. С. 13–14.

²⁹ Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда» // *Антирелигиозник*. 1939. № 9. С. 47; *Федосеев П.* Указ. соч. С. 10.

³⁰ *Ефимов П.* Выборы в Советы и разоблачение церковников // *Антирелигиозник*. 1938. № 5. С. 15.

- ³¹ Путинцев Ф. Выборы в Советы и разоблачение поповщины. М., 1937. С. 22–24.
- ³² Русская Православная церковь и коммунистическое государство. С. 277.
- ³³ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 9.
- ³⁴ Там же, л. 9–12.
- ³⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ³⁶ ГА РФ, ф. 5407, оп. 1, д. 107, л. 27; Путинцев Ф. Указ. соч. С. 22; Ефимов П. Указ. соч. С. 14.
- ³⁷ Ефимов П. Указ. соч. С. 14–15.
- ³⁸ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 18, 30–31; Ефимов П. Указ. соч. С. 15–16.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 7–8.
- ⁴⁰ Там же, л. 14.
- ⁴¹ Там же, д. 48, л. 5–6.
- ⁴² Токарев С.В. Указ. соч. С. 15.
- ⁴³ Шестакова М. Трудящиеся СССР о предоставлении права голоса служителям культа // Антирелигиозник. 1936. № 5. С. 30.
- ⁴⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 46, л. 59, 67.
- ⁴⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 5407, оп. 1, д. 106, л. 97.
- ⁴⁷ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁸ Ефимов П. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁹ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 9–12.
- ⁵¹ Там же, ф. 5407, оп. 1, д. 106, л. 97.
- ⁵² Русская Православная церковь и коммунистическое государство. С. 317.
- ⁵³ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 14; Шестакова М. Указ. соч. С. 30; Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда». С. 47; Безбожник. 1937. № 5. С. 17.
- ⁵⁴ Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 165.
- ⁵⁵ Доклад И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР.
- ⁵⁶ Ярославский Е. Новая Конституция и вопрос о религии. С. 7–8.
- ⁵⁷ Фоминов Н. Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик. 1937. № 20. С. 42.
- ⁵⁸ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 61, л. 2.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 18.
- ⁶⁰ Там же, ф. 5407, оп. 1, д. 105, л. 14.
- ⁶¹ Ярославский Ем. Надо ли давать избирательные права служителям культов // Безбожник. 1937. № 8. С. 6.
- ⁶² Ярославский Ем. О задачах профсоюзов на антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1937. № 6. С. 3–4.
- ⁶³ Страна обсуждает проект Сталинской Конституции // Безбожник. 1936. № 9. С. 5–7.
- ⁶⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 13.
- ⁶⁵ Рябцовский А.В. Снимаю сан // Безбожник. 1937. № 3. С. 19.
- ⁶⁶ Амосов Н. Терпеливо разъяснять вред религии // Безбожник. 1936. № 9. С. 8.
- ⁶⁷ Жиромская В.Б., Киселев И.П., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 96.
- ⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 118–119.
- ⁶⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года... С. 40–41.
- ⁷⁰ Всесоюзная перепись населения в 1937 году // Безбожник. 1937. № 2. С. 15.
- ⁷¹ Ярославский Ем. О задачах профсоюзов на религиозном фронте. С. 4, 9.
- ⁷² Фоминов Н. Указ. соч. С. 36.
- ⁷³ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 72, л. 5.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 49, л. 85.
- ⁷⁵ Там же, д. 32, л. 13.
- ⁷⁶ Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930 годов). Волгоград, 1997. С. 237.
- ⁷⁷ Обезвреженная конституция: основной «закон» СССР. Берлин, 1958. С. 11.
- ⁷⁸ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 17, 18, 26, 27, 30; Олещук Ф. За большевистский размах предвыборной агитации. С. 4; Ефимов П. Указ. соч. С. 14–16; Предвыборные маневры церковников // Безбожник. 1938. № 6. С. 3–4.

- ⁷⁹ Токарев С.В. Указ. соч. С. 13–14.
- ⁸⁰ Федосеев П. Подготовка к выборам в Советы и антирелигиозная пропаганда. С. 11–12.
- ⁸¹ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 19.
- ⁸² По ленинскому пути // Безбожник. 1938. № 1. С. 3.
- ⁸³ Федосеев П. Указ. соч. С. 11–12.
- ⁸⁴ Олещук Ф. За большевистский размах предвыборной агитации. С. 4.
- ⁸⁵ Амосов Н. Антирелигиозная пропаганда летом. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок // Антирелигиозник. 1938. № 3. С. 10.
- ⁸⁶ Ефимов П. Указ. соч. С. 16.
- ⁸⁷ Там же. С. 18.
- ⁸⁸ Там же. С. 14.
- ⁸⁹ Токарев С.В. Указ. соч. С. 15.
- ⁹⁰ По ленинскому пути // Безбожник. 1938. № 1. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 9.
- ⁹¹ Предвыборные маневры церковников // Безбожник. 1938. № 6. С. 3–4.
- ⁹² Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда». С. 47.
- ⁹³ Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ⁹⁴ Токарев С.В. Указ. соч. С. 19.
- ⁹⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ⁹⁶ К итогам всесоюзного совещания работников СВБ // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 15; Ярославский Ем. Почему церковников не следует выбирать в Советы // Антирелигиозник. 1938. № 3. С. 5; Лучших людей – в Верховный Совет СССР // Безбожник. 1937. № 11. С. 3.
- ⁹⁷ Калистратова Я.Б. Выборы 1937 г. в Верховный Совет СССР: выдвижение кандидатов (по материалам Новосибирской области) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С. 121–122.
- ⁹⁸ Лучших людей – в Верховный Совет СССР. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10; Стецкий А.И. Поднять новые кадры агитаторов-безбожников // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 11; Ярославский Ем. Почему церковников не следует выбирать в Советы. С. 5; Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозник. 1939. № 9. С. 2.
- ⁹⁹ История Советской Конституции... С. 746.
- ¹⁰⁰ Фоминов Н. Указ. соч. С. 40; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ¹⁰¹ Итоги выборов в Верховный Совет и задачи антирелигиозной пропаганды // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 8; Первая сессия Советского парламента // Безбожник. 1938. № 2. С. 3; Знать врага // Антирелигиозник. 1939. № 6. С. 3; Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков // Большевик. 1939. № 9. С. 47.
- ¹⁰² См.: О контрреволюционной деятельности религиозных мракобесов. М., 1938; Безбожник. 1937. № 7. С. 6–7; № 11. С. 6–7; 1938. № 1. С. 8–9.
- ¹⁰³ Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ¹⁰⁴ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2007. С. 445–446.
- ¹⁰⁵ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.
- ¹⁰⁶ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 504.
- ¹⁰⁷ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 45, л. 84.
- ¹⁰⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 94, 97, 104, 105, 110, 112.
- ¹⁰⁹ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 94–95.
- ¹¹⁰ Токарев С.В. Указ. соч. С. 3.
- ¹¹¹ Обезвреженная конституция: основной «закон» СССР. С. 6, 9.
- ¹¹² За Родину! // Правда. 1934. 9 июня.
- ¹¹³ Волин Б. Великий русский народ. М., 1938. С. 3.
- ¹¹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 982, л. 40.
- ¹¹⁵ Правда. 1938. 29 ноября. С. 6.
- ¹¹⁶ Фильм о народном герое // Безбожник. 1938. № 12. С. 12.
- ¹¹⁷ Стецкий А.И. Указ. соч. С. 11; Блестящая победа // Безбожник. 1938. № 7. С. 2–3.